

Александр Шмидт

ВСЛУХ И ПРО СЕБЯ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Свою немецкость я всегда ощущал не столь явно как свою русскость. Тут было много причин: первая (и главная) – язык. Первое слово, которое я произнес, было (по воспоминаниям моей бабушки-немки) – буря (по-русски, естественно). Естественно, уже потому, что все немецкие слова, обозначающие это состояние погоды (или природы) – *der Sturm, das Unwetter* слабы и мало подходящи для зимней семипалатинской степи, а именно там, на берегу океана разбушевавшейся стихии, я повторил (вслед за бабушкой) это ревущее слово-заклятие – Буря и стал тем самым частью этой стихии, и, возможно, она (Буря, Степь) поняла и приняла меня не как чужого, не как немца. Вот этот самый «родимый хаос», «ветр ночной» понуждают что-то во мне сокровенное производить Слова по-русски.

Немецкость моя была не просто как нечто оппонирующее моему русскому «я», но как некая болезненная ущербность, как наследственный недуг. Я её стыдился, тщательно скрывал даже от самого себя. Она была моей поистине стыдной тайной! В детстве мне всегда было неловко произносить свою фамилию. Лет с десяти я жил в большом русском селе – Бородулихе.

Отца перевели туда на работу в райисполком. Саморазоблачительно звучат нынче эти, канувшие в исторический омут, слова – райисполком, райком, райсобес, райздрав и проч. Под неким, предельным для мирского человека углом зрения, можно заметить передёрнутое, искажённое до пародии Царство Божие, земное его отражение, что только подтверждает неслучайное появление тех или иных слов – они не идут за новой реальностью, они её ведут, её проявляют, материализуют в конце концов.

Отец водил меня и брата в баню. Райбаню! Это было в конце пятидесятых, в начале шестидесятых, и в мужском отделении бани, над бетонными скамьями-полотьями, в клубах водянистого пара восходила жаркая, по-рубенсовски избыточная плоть. В те годы очень часто обкромсанная войной, с глубокими царапами шрамов. И какой-нибудь дядя с культёй вместо руки просил обычно потереть ему спину. И когда я, тщательно и старательно проелозив намыленным мочалом, заканчивал немудрёную работу, он спрашивал: «Ты чей, сынок?» Я проборматывал нечто, он переспрашивал: «Шмель?», и я его малодушно не поправлял.

Имя – «им-я» – это всегда напряженное энергичное состояние «я» к остальным «им», как кто-то из мудрых заметил, оно влияет на твою судьбу почти столь же странно, как звезды – астрономически нет ничего более далёкого, астрологически более близкого тебе.

Я думал, что моё имя (фамилия), Name, наименование в той жизни – Шмидт вполне обрусело, что оно стало почти родственно шуму степного ветра в ковыле и полыни – ан нет, на него всё время действовала невидимая, но от этого не менее реальная сила, выталкивающая сила. И, может быть, когда-нибудь новый Архимед исчислит эту силу судьбы, безжалостную и неумолимую, которая вынесла меня за пределы моей родины и поместила в некую абстракцию, которую кто-то нарёк исторической родиной.

ЖИВОЕ

В двери, в щели застрял какой-то засохший листик с торчащим жестковатым черенком. Я машинально взял его двумя пальцами, большим и указательным. Так тушат свечу и спичку. И вдруг это на вид неживое ожило, затрепетало! Обратилось действительно в прекрасную, необычайной расцветки и узора живую материю – бабочку – и властно и энергично выпросталось из моей ошеломлённой руки.

Что-то во мне шевельнулось и ожило. И я почувствовал себя живым до испуга.

ПРИСНИЛИСЬ СТИХИ

Приснились стихи (или) слова Велимира Хлебникова. Что-то не очень внятное, но в его духе. В память впечаталось – «Придёт косуля целовать мои святые кости».

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

На всяком асфальте рано или поздно вырастет атомный гриб.

КРИВОЕ И ПРЯМОЕ

Какое-то вечное криводушие и тоска по прямоте. Но на таких расстояниях между людьми невозможно прямодушие.

Даже свет, идущий от звезды к звезде, искривляется.

А мы друг от друга много дальше.

РУИНЫ СНОВ

Редующий затылок, проплешина, зарод будущей лысины. Однажды я увидел себя во сне со спины, рассматривающего себя откуда-то сверху. Оторопь мысли: «Кто это глядит на меня? И где я? Почему я вижу себя со стороны?»

С какой стороны?»

«Руины снов», – как говорил Гомбрович.

РУССКИЙ

Русский – прилагательное к некоему существительному.

Какому?!

Русский немец – странно, но возможно.

Русский еврей – вполне вероятно.

Русский... многоточие... пустота... космос...

Русский... и Бог.

УЖАС

Иногда мне снятся сны моего расстрелянного деда. Подвалы. Тусклая, голая лампочка Ильича, нить накаливания, рдеющая и пульсирующая оголённым нервом. Старуха – смерть идёт коридором с кирзовой сумкой, в которой тяжело и влажно (дикая догадка) колышутся человеческие кишки.

ЗЛО

Мы не потому творим зло, что уничтожили в себе Бога, а потому, что Бог и даже сатана становятся неважны, когда санкцию на деяние даёт другой человек (*В. Гомбрович, дневники*).

О том же раньше написал А. С. Пушкин. Стоит вспомнить «Анчар»: «но человека человек послал к Анчару властным взглядом...», все атомные программы, создание Бомбы тоже про это.

ВИСЛЯКИ, ИЛИ О СЧАСТЬЕ

Идём (это как-то слишком энергично, императивно сказано), шествуем с Софией. Ей три года. Декламируем.

Я начинаю: В моей руке – какое чудо! –

Она: Твоя рука,

Я: И на траве два изумруда –

Она: Два висляка...

Хохочем в два голоса.

СОСТАВ СНОВ

Приснилась остановка в пути (дороге).

Старая женщина, которая предложила почему-то постричь мне ногти. Блестящие ножницы. Я сказал, что ногти у меня в порядке, острижены, но покорился её воле. Она лязгнула ножницами раз, подровняла ноготь на безымянном (сломанном в детстве) пальце правой руки, не причинив ожидаемой боли. Приснилась маленькая девочка восточной? внешности, которая удивительно нежно обняла меня со спины, так Софийка ласкается. Она назвала меня дедушка. Я сказал, что у меня есть внучка, немножко казашка, по её непутёвому отцу. (Но ничего плохого о Руслане не сказал.) Ещё какие-то люди с зелёными и бирюзовыми глазами, которые пришли из Крыма. Запомнил фразу, по-восточному пышную, как бы похвалу мне за Софию: «Да преумножит Аллах сокровища в твоей шкатулке вечности».

ИСТИНА

Ев. От Иоанна, гл. 18, 37, 38:

«Пилат сказал Ему, итак, ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что я Царь; Я на то родился и на то пришёл в мир, чтобы свидетельствовать об истине: всякий, кто от истины, слушает гласа моего.

Пилат сказал Ему: что есть истина?..»

Пилату и в голову не могло прийти, что Истина перед ним.

ЛЮБОВЬ

Любовь не для этого мира (света). Не для земной жизни. Это не человеческий материал.

Но она присутствует. И все мы её «используем» не по назначению. Как если бы телескоп Хаббла направлять на окна соседнего дома, в надежде разглядеть или подглядеть что-то у соседа.

Мы близоруко используем межзвездную дальнорочность Любви.

НЕБО

В начале девяностых прошлого столетия я оказался на Байконуре. Синее, глубокое до черноты небо над космодромом. Гигантская бетонная чаша или яма стартовой площадки, выгоревшая трава, ржавый болт... Подумал, кто-то штурмует небо, создавая всё более мощные ракеты, строя новые космодромы, кто-то карабкается к нему по «Лестнице». Отменяет ли одно другое?

НОЧЬЮ

Ночью, глухой, безнадёжной ночью проснулся в слезах. В окно, не задёрнутое шторой, на меня смотрела звезда. Из каких-то немислимых далей протянулся этот взгляд, достиг меня и вдруг разломился, рассыпался рубинами, изумрудами, алмазами невиданных цветов и красок. И вся эта россыпь вспыхивала и гасла, разноцветно переливалась, играла живым, горячим огнём, пока не высохли мои слёзы, пока я не понял, что я не одинок и не оставлен.

ВКУС ГРЕХА

Вкус греха – вкус сметанно-сахарной обливки кулича, которую я отгрыз однажды до праздника и был разоблачен бабушкой и наказан. Я почувствовал его опять, когда состоялось моё первое грехопадение. Пыльная, горячая от степного солнца канавка, занавешенная лопухами и коноплей, и молочно-пасочный привкус полудетской её груди.

ДА И НЕТ

Всё заключается в простом: говоришь ты «Да» этому миру или «Нет». Если да, то ты поёшь хвалу его Создателю. Как описал это Гаазали: «...Иисус, сын Марии, шёл как-то со своими учениками, и они заметили труп собаки.

– Фу! – воскликнули ученики. – Что за смрад!

Тогда Иисус приостановился и указал на сияющие белизной зубы собаки. Как повествуется далее, Иисус укорил своих учеников в том, что они отозвались дурно о бедном псе, и промолвил:

– О Божьих созданиях не говорите ничего, кроме хвалы».

Ирония (очень частая и поощряемая сегодня) – это проявление «Нет», желание «переиначить Бога» (*Чоран*).

КАЛЕЙДОСКОП СНОВ

Кто-то сказал (во сне): «Если бы ты знал, какие жалкие осколки жизни, подчиняясь чудесной оптике, превращаются (иногда) в самоцветы твоих снов».

Белые дворцы на берегу моря (которого нет в реальности). Но они уже стали некоей реальностью моих снов, красные терракотовые берега, и бирюзовая не-

земного цвета вода, и фраза о том, что в этих пустых, покинутых дворцах некогда жили правители столь могущественные, что властью, дарованной им богами, могли приручать львов, и они служили им как собаки.

ПРИЗВАНИЕ

Призвание – это вроде призыва в армию. Вручили повестку, хочешь не хочешь – служи. Небо – Учреждение серьёзное! Призвало – от службы не отлынивай. Недавно был на презентации новой книги местного маститого автора. Он читал прозу и стихи. Кто-то из приглашенных, заметно волнуясь, спрашивает: «Вот вы пишете стихи, а к вам они откуда приходят? Вы голоса слышите?» Мэтр снисходительно: если бы я слышал голоса, то оказался бы в лечебном учреждении, понимаете в каком. Присутствующие смеются, шутка понравилась. Но ведь если он никогда не слышал музу, *daïmona* своего, «гения своего», то какой он поэт?! В традиционном (архаичном) смысле он не поэт.

Говорят, космонавтам на орбите снятся фантастические сны. Но они их своей медицинской службе не пересказывают, боятся даже говорить об этом. Тут же признают профессионально непригодным. Комиссуют.

Настоящий поэт видит такого рода сны и их пересказывает. Это и есть Поэзия.

МЕНАДЫ

Куда ни глянешь
Повсюду – менады с кровавыми ртами
Их выдают татуировки
Орфеев не видно

СОФИЯ

София спрашивает меня о смерти, о Боге, о потусторонней жизни:

- А там бывает ночь?
- Нет, там всегда день.
- А Бог старый?
- Не знаю.
- А травка там есть? А небо там какое?
- Там другая земля и другое небо.
- Там красиво?
- Очень.
- Что же мы здесь делаем?!

ТЕНЬ, БЕГУЩАЯ ОТ ДЫМА

Есть свидетельства людей (детей), переживших контакты с Богородицей, с Матерью Божьей в Междугорье в Хорватии. Когда они прикоснулись к Её одеждам, то ощутили как бы сверхплотность, броню, которая визуальнo струилась как легчайшая, шелковая ткань.

Следовательно, Её реальность, Та реальность воистину реальна! А наша, земная, как дым, как цветной туман, который кем-то транслируется.

Наша жизнь даже не дым, а «тень, бегущая от дыма» (Ф. Тютчев).

ИЗГНАНИЕ

Грех всякий – преступление, перешагивание через линию, через порог, который есть твой порок. Ты спотыкаешься, падаешь и возвращаешься в момент Грехопадения. В тот момент, когда ты перешагиваешь через порог Дома-Рая и становишься бесповоротно бездомным и беспощадно свободным, и ветер отвержения, изгнания бьёт тебе в спину так, что затылок мгновенно схватывает мороз непоправимости содеянного, но это же чувство возвращает точное знание, что Рай был.

AB OVO

Одно из первых воспоминаний об отце. Он берет свежее яйцо, легонько его расколупывает, делает с противоположной стороны, с другого полюса яйца, маленькую дырочку и выпивает содержимое. Папа молод, он один из немногих, кто выжил в трудармии... ему повезло. Судьба ему подарила жизнь. А мне – отца.

ЧЁРНАЯ МЕССА

Чёрная месса. «Синклит», или заседание всей адовой своры. Когда обратили внимание на меня, кто-то сказал: «Мы сейчас тебя распишем на элементы». Стали брить голову опасной бритвой и поливать её кипящим маслом из сосуда, похожего на кумган. Особенно старалась ведьмочка с красным ртом – вампирочка. Я ей сказал: «Мадам, вам в ЧК работать, большое удовлетворение получали бы»... ужасный сон... стол вроде картёжного, круглый. Главный угадывается сразу. До этого эпизода как бы переход из одного помещения в другое, при этом изменение геометрии пространства. Всё «плывёт», зыблется, становится как бы намагниченным. Я пытаюсь перекреститься, это даётся мне с огромным трудом, помогаю себе другой рукой. До этого снится другое время. Конь, которого я люблю, что-то еще... я хочу вернуться на родину. «Я русский, – и в подтверждение крестик показываю, – только фамилия немецкая...»

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Ты – царь, – сказал Александр Сергеевич Пушкин о поэте, тем самым всем нам (сочинителям) дал повод считать себя (иногда) существами высокого происхождения.

БЕЛЬГЕР

Приснился Бельгер. Мы с ним куролесили, чего в реальности никогда не было.

Шампанское текло рекою, бутылки не успевали считать. Он был в настроении, похвалил моё стихотворение, ему посвященное. Коснулся моей руки, сказал:

«Что-то руки у тебя холодные». Я, зная и помня, что он умер, и хохоча (мне смешно стало), ответил: «Зато ваши горячие, Герольд Карлович!» И действительно, рука у него была горячая, живая.

ДО КОНЕЧНОЙ

По пути

Тебя подберёт

Маленький рейсовый автобусик

Пазик – так его ласково называли в семидесятых

Лязгнут двери неохотно раздвинувшись
и проглотят входящего
угрюмый водитель и не посмотрит
что ты бросишь в кассу
обол или медный пятак советской чеканки
сядешь у окна
попутчики не повернут головы
нет им дела до тебя
Кто дремлет
Кто оцепенело застыл
Погружённый в себя
В окне непроглядная темень
Подумаешь как-то устало
Зачем еду
Куда еду
И поймёшь

ЧУДО

Это происходит всё там, на берегу невиданного в этой жизни бирюзового моря с красными терракотовыми берегами. Сон о том, как в моих руках оживали, выбрасывали листочки и зеленели какие-то сухие прутики – саженцы. Я показывал кому-то (не помню кому), как это делается. Свидетель недоверчиво наблюдал, и мне самому слабо верилось, что в очередной раз получится. Но всякий раз, к моему восторгу, на безжизненной веточке распускались маленькие, свежие, зелёные листочки.

ПОРТРЕТЫ

Античные скульптурные портреты – улыбки слепых или спящих, заворожённых отпечатками золотых снов на внутренней стороне своих мраморных век.

НЕ ТВОИ СНЫ

Под миндальным деревом твоей госпожи,
Когда молодая августовская луна восходит над домом,
Тебе, если боги улыбнутся,
Могут присниться не твои сны.

Древнекитайская песня

АНГЕЛ

Этот человек – бывший ангел, который сдал крылья в гардероб, ведь в здешнюю жизнь с крыльями не пускают. Теперь мучится, краснеет, выворачивает свои карманы в надежде найти вожделенный номерок. К своему ужасу, не находит. Униженно клянчит: «Отдайте, пожалуйста, крылья, они мои. Это точно мой размер! Мне лететь надо».

Плачет по утраченному небу.

– Ангел я, – говорит.

Никто ему не верит.

АББРЕВИАТУРА

Телепередача. Немецкий канал. Дочь начальника концентрационного лагеря смерти во время Второй мировой войны, эсэсовца, вся в покаянии за грехи горячо любимого папы. Без конца повторяет стыдливо на камеру: – «KZ», «KZ», – то есть концлагерь... Аббревиатура, в данном случае, – свёртывание, схран, сознательное или подсознательное укрытие смыслов. Может ,«ад» – тоже аббревиатура?

СПОЛОХИ ПАМЯТИ

Слово «однажды» – как сторожевая башня, на которой зажигаются тревожные огни памяти. Однажды мы встретились.

Болезнь и смерть нас разъединили. Я остался на берегу непроявленных воспоминаний. Ослепительные искры на поверхности чёрной реки забвения. Словно кто-то чиркает по ней невидимой спичкой, пытаюсь зажечь и осветить что-то забытое, но очень дорогое, канувшее в пучину беспамятства.

Воспоминание – движение против течения времени. Это движение не обратнопоступательное и непрерывное, а прыжок: раз и там... «перешагни, перескочи, перелети... пере... что хочешь». И мгновенные остановки «на точках, о которых грежит сердце...»

ЦИТАТА

«Когда она, при роковом сознанье
Всех прав своих, с отвагой красоты...»

Ф. Тютчев

«И корень красоты – отвага»

Б. Пастернак

Или вспомним хлебниковское: «Русь – ты вся поцелуй на морозе...»

И стихотворение Александра Сергеевича Пушкина 1829 года «Зима. Что делать нам в деревне...», финальную часть:

И дева в сумерки выходит на крыльцо:

Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!

Но бури севера не вредны русской розе.

Как жарко поцелуй пылает на морозе!

Как дева русская свежа в пыли снегов!

Литература (Поэзия) – припоминание цитат, их стенография, с помощью метафоры, свёртывание, перекодировка, их множачеся эхо, перенесение в новый контекст.

Как соринка в раковине, цитата обрастает новыми смыслами, превращается в новую жемчужину – перл.

ПОЗНАНИЕ

Познание. В древнеиудейском смысле это совокупление. Эротический смысл процесса несомненен. В современном смысле «познание» – это изучение, рационализация, дробление мира с помощью идей, образов, приборов и механизмов – всего аппарата познания. То есть между познающим «пытливым разумом» и познаваемым всегда посредник, «тусклое стекло» (Послание Ап. Павла, глава 13). Все эти интеллектуальные фильтры, «насадки», которые нас всё более отодвигают, отчуждают от объекта нашего любопытствующего и всё более холодного разума.

ЗИМА

А приберёт ли ты
Света в глазах
Тепла в объятьях
Любви в сердце
Перед зимой
Бесконечной
Безжалостной
Лютой
Скуп ты и мёртв

КАК ПРЕЛОМЛЯЛИ МЫ ХЛЕБ И ПИЛИ ВИНО

У шофёра хлебовозки попросили хлеба (закусить). Дал кирпичик белого, денег не взял. Хлеб был еще горячий. В единственный стакан наливали золотистый портвейн. Тихим, тёплым, сентябрьским вечером сидели, кто на чём, у свежей траншеи: я, Володя Базанов и два сантехника: один, помню, был бывший военный. Когда это было? В году 78 или 79 прошлого тысячелетия. Кто и по какому поводу собрал нас в этом месте, в этой точке невообразимой вселенной и освятил этот хлеб и это вино, приняв за высокий, космической значимости ритуал наше невинное пьянство. Какой-то рассеянный ангел, дежуривший в тот вечер. Ломали хлеб, наливали вино в стакан и передавали по кругу... Я не помню, о чём говорили. Да это и не важно. Главное – как делились мы хлебом, как передавали стакан, как касались друг друга. Что-то над всем этим витало. Некое сокровенное согласие душ. Благодать. Вечером ранним, осенним. Свет только помню: ясный, тёплый, неба лазурь, лист багряный, как бы замерший в воздухе. Семипалатинск.

ВЕСТНИКИ

Сон. Шёл по дороге Шурка Ч. Пожилой уже Шурка. Лысоватый, уши торчат. Шурка как Шурка. Друг детства. Я окликнул его, он меня узнал. Обнялись. Он как-то странно заглянул в моё лицо и заплакал.

Почему он заплакал? Вот загадка.

Разгадка: через несколько дней умер папа.

Другой сон. Я пришёл в больницу к Наташе К. На тумбочке у её кровати литровая банка с прозрачной жидкостью, в таких банках в наше время приносили болящему что-нибудь съестное...

– Что у тебя в банке, Наташа?

– Хочешь попробовать?

Зачерпнул ложкой, горько-солёная вода.

Только потом понял, это слёзы.

Через год страшный диагноз у Нины. Восемь месяцев невообразимых страданий и смерть.

КРИТ

Две скалы, два серо-сиреневых сфинкса, окаменев от ожидания, улеглись, обнимая тишайшую бухту. Железные скрученные жилы трудолюбивой оливковой рощи. Запах тимьяна. Бык золоторогий – солнце мне приснился там.

РЕТИМНО

Море
 Камни
 Ржавая трава
 Венецианская крепость –
 Часовая мастерская
 Где цикады раскалённо зудят
 Тщетно пытаются завести
 Остановившееся время

О ПОЭТИЧЕСКИХ ШКОЛАХ

В наши времена нового средневековья поэзию или живой интерес к ней можно сохранить в неких подобиях монастырей или орденов – поэтических школах, где, так или иначе, культивируется Слово, где ему поклоняются, где оно вынесено за «скудные пределы естества».

С необходимости круга единомышленников, доброжелательных и не очень читателей, поощрительного внимания, взаимного восхищения и начинаются школы.

В каком-то смысле условия и обстоятельства у всех примерно одинаковы, независимо от того, где ты живешь – в России или за границей, сегодня и всегда поэт – изгой, а поэзия, хоть и «высокая», но болезнь. А больной – вроде прокаженного в этом глянцево-гламурном мире. Поэт в обиходе воспринимается в лучшем случае сочинителем песенных текстов. Вот если ты Резник – то да, а если Рыжий и не клоун, то... Поэтому живи в лепрозории. Там, по крайней мере, ты среди своих. Но когда ты поднимаешься на некоторую ступень и поймешь, что в школе стало тесно, душно, одиноко – «живи один». Так исчезают школы.

Когда-то давно Владимир Соколов написал: «нет школ никаких, только совесть да кем-то завещанный дар». Так-то оно так, но во многих стихах Соколова невозможно не слышать интонацию Пастернака.

Я читал, не помню чьи, рассуждения о «ферганской школе», что топография, раскаленный ландшафт, южный мир, плюс ориентация на средиземноморскую и герметическую западную поэзию, минуя русскую литературу (тогда почему бы не миновать и русский язык?) и сформировали поэтику этой школы. Что верлибр единственно возможная форма, которая позволяет фиксировать некие транссостояния. Возможно, это и так.

Но с другой, почти датской стороны, там, где царствуют геометрия и порядок, где регулярная силлаботоника пространства вопиет о соответствующей форме, вы не отыщете и днем с огнем её. Или, может быть, в Германии верлибр – некая форма протеста против порядка, а в России регулярный стих возможность борьбы с тютчевским родимым хаосом. Я думаю, все это в большей или меньшей степени натяжки, лукавство.

Есть ли в моих стихах привязки к географии? Да случаются.

Когда я думаю о месте, куда я угодил, вспоминаю пастернаковское: «не тот этот город и полночь не та», но, может быть, именно здесь мне прояснится смысл сказочного пожелания: «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что».

Хотя, скорее всего, я пойму то, что понял александрийский грек Кавафис:

Нет, не ищи других земель, неведомого моря:

Твой Город за тобой пойдет. И будешь ты смотреть
На те же самые дома, и медленно стареть
На тех же самых улицах, что прежде...
И т. д.

ЭМИГРАНТ

Эмигрант – голый человек в предбаннике. Обескуражено переминается с ноги на ногу, ещё неизвестно, поустят ли в баню и с каким обмылком прав.

ВЕЧНОСТЬ

Вечность у Достоевского – банька с пауками. У Булгакова она несравненно приятнее: «Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он подымается к самой крыше. Вот твой дом, твой вечный дом».

А если вечность – дом мастера, совмещённый с банькой с пауками?!

ПОЭТ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Встреча Дон Кихота и мельницы – это встреча Поэта и цивилизации.

Встреча воображения и фантазии с механическим и косным.

Для Дон Кихота и ветряная мельница казалась уже чудовищем. Что бы он подумал, увидев коллайдер?!

«Учёные превратили бесконечно прекрасную музыку мироздания в монотонный скрип чудовищной мельницы...» (Новалис)

